

## ЖАНРОВЫЙ СИНТЕЗ В МЕМУАРАХ А. Т. БОЛОТОВА

*А. Ю. Веселова<sup>1</sup>*

<sup>1</sup> Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН  
199034, Россия, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4  
Поступила в редакцию 07.06.2019 г.  
doi: 10.5922/2225-5346-2020-2-9

*Вопрос о жанровом статусе мемуаров русского писателя Андрея Тимофеевича Болотова не раз ставился в научной литературе, но так и не стал предметом специального исследования. В данной статье анализируется художественная структура мемуаров Болотова с точки зрения их жанрового своеобразия. Рассмотрение текста показало, что Болотов при создании своих мемуаров использовал приемы, заимствованные из разных жанров, с которыми был хорошо знаком. Это прежде всего роман, а также эпистолярный, травелог, историческое сочинение и т.д. В широком контексте творчества самого Болотова в статье показано, что все эти элементы не были совмещены механически. Как начитанный и стилистически чуткий автор, он руководствовался интуитивным ощущением уместности каждого приема в зависимости от объекта описания, достигая подлинного жанрового синтеза. В заключение в статье делается вывод о том, что именно эта интуиция и ясное понимание своей задачи – как можно полнее описать свою жизнь в наизидание потомкам – определили художественный уровень болотовского текста и его привлекательность для читателей.*

*Ключевые слова:* русские мемуары XVIII века, А.Т. Болотов, жанр, роман, эпистолярный, травелог, автобиография.

При обращении к вопросу о жанровой природе мемуаров Болотова ряд исследователей прямо или косвенно указывали на их беллетристическую природу. Так, еще Д.И. Писарев, один из первых откликнувшийся на публикацию фрагментов из записок Болотова, отмечал «громадный повествовательный талант» их автора (Писарев, 1909, с. 557). В.В. Сиповский в своей монографии по истории русского романа назвал болотовские мемуары «сбивающимися на роман» (Сиповский, 1909–1910, с. 638). Наконец, в недавней диссертации А.Е. Кузнецова подробно рассмотрена их очерковая природа (Кузнецов, 2013). Тем не менее, несмотря на отдельные и даже весьма существенные по аргументированности выдвинутых концепций подступы к заявленной теме, комплексного изучения жанровой природы мемуаров Болотова до сих пор не существует, хотя большинство исследователей сходятся в их оценке как исключительного явления в контексте русской мемуаристики того времени.

Прежде всего записки Болотова выделяются объемом и охватом описываемого исторического периода. В то же время они представляют собой цельное повествование, очевидно подчиненное основной задаче создания собственного образа у потомков и имеющее назидательную



функцию. Несколько раз начиная писать мемуары, Болотов вплотную приступил к исполнению своего замысла только в 1801 году, и до 1826 года им было создано 39 частей и начата 40-я. Из них с некоторыми лакунами до нас дошли 33 (самая полная публикация включает первые 29 частей: Болотов, 1871–1873). На тот момент ему было 63 года, он окончательно вышел в отставку и был весьма известным «экономическим писателем», имеющим также опыт создания и публикации других произведений разных жанров: философских сочинений, пьес, переводов исторических книг и романов. Широта кругозора и начитанность Болотова позволяют говорить о том, что при создании мемуаров он мог ориентироваться на разные по своей жанровой природе тексты, что подтверждается анализом художественной ткани записок, выявляющим ее неоднородность.

В первую очередь в мемуарах Болотова обращает на себя внимание их эпистолярная природа. Ряд исследователей (Лазарчук, 1972; Кузнецов, 2013) уже отмечали связь эпистолярной манеры вести записки с сохранившейся перепиской Болотова с его другом, лейтенантом флота Н. Е. Тулубьевым (Письма А. Т. Болотова к Н. Е. Тулубьеву, 2013). Сравнение текстов писем и намного позднее созданных мемуаров показывает, что Болотов пользовался этой перепиской при составлении своих воспоминаний, а обращение «любезный приятель» и форма заочного письменного взаимодействия в переписке и мемуарах во многом схожи и обнаруживают хорошее знакомство Болотова с эпистолярным этикетом, а возможно, и со специальными руководствами. С другой стороны, его собственные рассуждения и несколько сохранившихся писем неустановленным адресатам свидетельствуют, что он сознательно искал товарища по переписке, в том числе для оттачивания навыков письма, и сделал несколько неудачных попыток, прежде чем наладил переписку с Тулубьевым (Болотов, 1760б). Ряд архивных материалов также показывает, что Болотов использовал эпистолярную форму в своих ранних переводах из немецкой нравоучительной периодики (Болотов, 1760а). В дальнейшем эта форма стала для Болотова основной: обращение «любезный приятель» он применил в составленной им «Истории Польского королевства» (Болотов, 1768), форму писем имеют большинство его экономических журнальных статей, натурологическая и философская проза, эссе на самые разные злободневные темы, значительная часть которых была написана и даже отчасти опубликована до мемуаров. И только уже вполне оценив потенциал эпистолярия, он воспользовался этим приемом в своих записках. Показательно, что в период создания мемуаров произошло обратное смещение: Болотов стал писать реальные письма с прицелом на мемуары, и целый ряд писем семье из дальних поездок, а также переписка с сыном Павлом во время службы последнего в Петербурге были целиком или фрагментарно помещены в мемуары (см., напр.: Болотов, 1871–1873, т. 4, с. 587–725).

Имеющиеся у нас сведения о библиотеке Болотова, подробно освещенные, в частности, в исследованиях О. Е. Глаголевой, показывают, что его читательские интересы были очень многообразны (Глаголева, 1988). Важно также учитывать и богатый опыт Болотова в переводах



с немецкого и французского языков, позволявший пробовать разные жанры и стили. Первые его переводческие опыты относятся к концу 1750-х – 1760-м годам, это были статьи из немецких журналов и романы: большая их часть не была напечатана (см. перечень, приведенный в первой опубликованной краткой болотовской биографии: (Биография А. Т. Болотова, 1997)). Но в 1770–1780-х годах он издал несколько переводов, среди которых были труды философско-нравоучительного характера, исторические сочинения, биография и роман. Все они в той или иной степени могли послужить для него и точкой отсчета, и школой писательского мастерства.

В первую очередь несомненным источником повествовательных приемов и способов самоописания для Болотова были романы, один из его любимых видов чтения, достоинства которого он неизменно отстаивал в эпоху, когда репутация романа была еще очень неоднозначна. Можно назвать целый ряд романских приемов, постоянно используемых Болотовым. Это прерывание повествования в кульминационный момент, иногда даже на полуфразе, с сообщением, что письмо стало слишком длинным; хронологические смещения и намеки на раскрытие в дальнейшем какого-то загадочного обстоятельства или неочевидной связи событий; введение прямой речи и диалогов упоминаемых лиц, с ярко выраженными речевыми характеристиками, в том числе отражающими их социальный статус или национальность (например, имитация акцента знакомых немцев); использование внутреннего монолога в особо напряженных случаях (учитывая, что все его мемуары являются прямой авторской речью, этот прием обладает особой выразительностью); вставные новеллы, либо представляющие собой отдельный рассказ о каком-то персонаже (например, история одного из предков, бежавшего из татарского плена, которая имеет все черты законченного приключенческого рассказа), или рассказанные от лица какого-то персонажа (как история лечения у известного целителя Ерофеича, переданная от лица одного из соседей); сознательное чередование комических эпизодов с серьезными и печальными. Очевидно романские черты просматриваются в приемах создания собственного образа: с одной стороны, это герой, постоянно подвергающийся опасностям и гонениям судьбы (ранее сиротство, различные несчастные случаи на охоте, при купании и проч., участие в войне в довольно молодом возрасте, позднее интриги на службе и т. д.), с другой – он защищен божественным покровительством и его вера в божий промысел оберегает его от худших несчастий. Все перечисленные выше черты не только являются типичными для жанра романа и многократно были описаны исследователями, но и упоминаются самим Болотовым в его сборнике критических статей «Мысли о романах», включающем разбор 50 прочитанных им романов (Болотов, 1791; подробнее см.: Веселова, 2015).

Более того, некоторые очень явные переключки с конкретными романами, которые Болотов прочитал и даже перевел в молодости, заставляют предположить, что молодой человек, рано оставшийся сиротой и лишенный полноценного наставничества, по которому очень тосковал, пытался заимствовать из романов образцы поведения. Так,



в романе Прево д'Экзиля «Английский философ, или История Кливленда, побочного сына Кромвеля, описанная им самим» (стоит обратить внимание, что роман написан от первого лица, и на это, как и у Болотова, указано в заглавии), который Болотов начал переводить в 1760 году, мать героя, занимающаяся его воспитанием, заводит специальные тетрадки и выписывает в них здравые мысли и мудрые изречения, которые могут иметь практическое применение. Одновременно с переводом этого романа Болотов заводит подобную «Памятную книжку» (Болотов, 1761). В романе Ш. Ла Морьера «Милорд Стэнли, добродетельный преступник» герой много рассуждает о пагубности любовной страсти и благотворности уединенной жизни. Очень близкие и не только по содержанию, но и по форме рассуждения можно найти в записках Болотова, посвященных истории его влюбленности в дальнюю родственницу Татьяну Бакееву (Болотов, 1871—1873, т. 2, с. 385—386).

Стоит добавить, что сам Болотов решительно критиковал смешение художественных и документальных жанров, что видно на примере его отрицательных рецензий на псевдодокументальные романы Ф. Эмина и П. Хомякова (эти статьи из сборника «Мысли о романах» приведены в выборочной публикации (Из неизданного литературного наследия Болотова, 1933, с. 196—202)). Принципиальным для него оставалась документальная основа мемуарного повествования, которая не должна смешиваться с художественным вымыслом, но может быть изложена с применением средств беллетристики.

К романам, в основе которых лежит биография героя, примыкает близкий по форме жанр собственно жизнеописания, или биографии, великих людей. Согласно мемуарам, именно «Жизнь Александра Македонского» Курция Руфа и «Жизнь Савойского принца Евгения» были в числе первых, самостоятельно прочитанных Болотовым книг (Болотов, 1871—1873, т. 1, с. 114), а среди его изданных переводов есть «Жизнь и приключения Эдуарда, претендента английского» (1794) — здесь опять стоит обратить внимание на совпадение заглавия. Конечно, речь не идет о том, что Болотов ставил себя наравне с Александром Македонским и ему подобными. Но сам принцип жизнеописания, которое обычно начинается с родословной героя, рассказа о его воспитании с акцентом на очевидном с детства предназначении, а также подробное изложение исторических событий, в которых участвовал герой, явно был хорошо усвоен Болотовым. В первых нескольких письмах он уделяет внимание истории своих предков, причем используя в этом случае несколько возвышенный стиль с характерным преобладанием инверсий. Многие факты своей биографии он интерпретирует как свидетельства его расположенности к наукам и негодности к военной службе, хотя его происхождение, казалось бы, не оставляло ему возможностей иной карьеры. Наконец, в записках Болотова отчетливо выделяются фрагменты, излагающие современные ему и исторически значимые события, в том числе те, которым он лично не был свидетелем.

В этих эпизодах, местами довольно пространных, Болотов несомненно типологически ориентировался еще на один тип повествования, который одновременно иногда и напрямую использовал для получения



информации. Это исторические сочинения, прежде всего описания войн и других общественных катаклизмов, а также характеристики монархов. В частности, самый большой исторический сюжет его мемуаров — описание Семилетней войны, имел свои источники. Семилетняя война и короткий период царствования Петра III были самыми крупными историческими событиями, которым Болотов был в той или иной степени непосредственным свидетелем. Поэтому, обратившись к письменному изложению событий, он считал необходимым дать более широкий исторический контекст, для чего ему потребовалось обратиться к внешним источникам информации. Несмотря на то что Болотов был участником войны и сражение при Гросс-Егерсдорфе написано им по личным воспоминаниям, сведения о дипломатической стороне дела, о движении армий и большинстве других сражений были почерпнуты им из сочинений ряда авторов, среди которых в первую очередь можно назвать Фридриха Великого и Иоганна Вильгельма фон Архенгольца. При этом Болотов использует типичные для исторического повествования приемы: перенос места действия с зачином «а в это время», переход на историческое настоящее время в наиболее напряженные моменты, как, например, при описании гибели прусского генерала Шверина: «Шверин пал мертв со знаменем в руках, но самая смерть его возбудила отвагу и храбрость в войске прусском. Оно возобновляет сражение, стремится на неприятеля, опровергает оно и одерживает наконец совершенную победу» (Болотов, 1871—1873, т. 1, с. 425). Показательно, что в дальнейшем Болотов разделил исторические сочинения и записки, и доля исторического повествования в тексте воспоминаний заметно сократилась. Например, он составил отдельную книгу о смерти Екатерины II и восшествии на престол Павла I (Болотов, 1875), но в мемуарах уделил этому эпизоду русской истории не много места.

Еще один прозаический жанр, явно оказавший влияние на некоторые части записок Болотова, — это травелог. Болотову в разное время доводилось бывать в обеих столицах, в Москве особенно часто, в годы военной службы он несколько лет пробыл за границей, владея имениями в разных губерниях и имея многочисленных родственников, он нередко предпринимал путешествие по Центральной России. Некоторые его поездки не только идут в мемуарах с собственным подзаголовком, но и сохранились в рукописи как отдельный текст, например «Описание моей езды в Шадскую деревню» (Болотов, 1772). Такие фрагменты строятся по единому принципу: сначала идет описание сборов, дороги, приключений на ней (поломка экипажа, плохая погода, лихие люди и т. д.). Потом обязательно описывается предвкушение, хорошее или плохое, которое охватывает путешественника на подъезде к пункту назначения. Далее следует описание самого места, причем обязательно дается историческая справка о прошлом этого места, возможно, тоже откуда-нибудь почерпнутая. Именно в путевых фрагментах чаще всего используется сентиментальный код: герой-повествователь испытывает волнение на подъезде, а также при «приведении себе на ум» известных ему фактов или личных воспоминаний, иногда плачет, в том числе при расставании с местом, мысленно перечисляет все, что с ним здесь про-



исходило и за что он может быть данному месту благодарен. Путевые заметки нередко сопровождаются примечанием о том, что они представляют собой реальные письма, написанные с дороги оставшимся дома родным, и они часто являлись таковыми, как уже упомянутое описание поездки в Шадскую деревню, данное в письмах теще. Но это не мешает им быть созданным по всем законам жанра путешествия.

Наконец, регулярно встречающиеся у Болотова природоописательные фрагменты, знаменующие смену сезона или рассказывающие о прогулках и наблюдениях за природой, не только соотносятся с его собственными натурологическими сочинениями (два из них опубликованы: (Болотов, 1993)), но написаны по всем правилам, которые сам же Болотов изложил в «Опыте руководства к описыванию красоты и приятностей природы» (Болотов, 1788). «Опыт...» представляет собой перечень природных объектов и явлений, достойных описания, а также перечисление способов этого описания: списки подходящих эпитетов, метафорические обозначения, перифразы, иногда целые абзацы, которые можно использовать в том или ином удобном случае. Вряд ли Болотов каждый раз брал эту рукопись, приступая, например, к очередному описанию весны. Но употребляя выражение «герольды весны» применительно к птицам, он несомненно отдавал себе отчет в том, что это выражение уместно именно в натурологических сочинениях, которые и служили для него в данном случае образцом. Иногда Болотов вставлял в свое повествование стихи, приводя их не только как примеры собственного творчества, но и как поэтическую замену характеристики того или иного природного явления, например утренней росы (Болотов, 1871 – 1873, т. 4, с. 1091).

Таким образом, анализируя художественную структуру мемуаров Болотова, можно прийти к выводу, что будучи очень начитанным и достаточно стилистически чутким автором, Болотов использует при создании своего жизнеописания приемы и даже клише, позаимствованные из разных жанров. Использование это носило отнюдь не механический характер, а представляло собой подлинный жанровый синтез: Болотов руководствовался интуитивным ощущением уместности каждого приема в зависимости от объекта описания, и эта интуиция, в сочетании с отчетливостью стоявшей перед ним задачи — как можно полнее представить свою жизнь в наизидание потомкам, определила художественный уровень болотовского текста и его несомненную читательскую привлекательность. Не случайно болотовские мемуары еще при его жизни расходились в рукописях и списках среди довольно большого круга родственников, друзей и знакомых, а дальнейшая судьба записок показывает неизменный интерес к ним читающей публики. Обращаясь к такой же, как и он сам, начитанной аудитории, интересующейся прошлым и документальными подробностями, Болотов сумел найти баланс между частным и общественным, а также клише и индивидуальностью, что позволило ему остаться не только в памяти потомков, но и в истории русской литературы XVIII — первой четверти XIX столетия.



### Список литературы

- Биография* А. Т. Болотова. Тула, 1997.
- Болотов А. Т.* Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков : в 4 т. СПб., 1871 – 1873.
- Болотов А. Т.* Избранное / изд. подготовлено А. К. Демиховским. Псков, 1993.
- [*Болотов А. Т.*]. Краткая история Польского Королевства. 1768 // РО РНБ Ф. 536. ОЛДП. №2190 (Q.423).
- [*Болотов А. Т.*]. Мысли и беспристрастные суждения о романах как оригинальных российских, так и переведенных с иностранных языков. 1791 // РО ИРЛИ. Ф. 537. Ед. хр. 14.
- [*Болотов А. Т.*]. Описание моей езды в Шадскую деревню. 1772 // ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 2 №88 /7.
- [*Болотов А. Т.*]. Опыт руководства к описанию красот природы. 1788 // НИОР БАН. Ф. 69. №18б.
- [*Болотов А. Т.*]. Памятная книжка или собрание различных нравоучительных правил. 1761 // НИОР БАН. Ф. 69. Ед. хр. 22.
- Болотов А. Т.* Памятник претекших времян : в 2 ч. М., 1875.
- [*Болотов А. Т.*]. Переводы сочинений различных авторов, преимущественно из периодических изданий. 1760а // НИОР РГБ. Ф. 475. Карт. 6.2.
- [*Болотов А. Т.*]. Письма А. Т. Болотова к разным лицам. 1760б // РО РНБ Ф. 89. Ед. хр. 110.
- Из неизданного литературного наследия Болотова* / публ. А. Кучерова, И. Морозова // Литературное наследство / отв. ред. Л. Авербах. М., 1933. Т. 9–10. С. 153–222.
- Веселова А. Ю.* Романы в круге чтения и мемуарах А. Т. Болотова // XVIII век. №28. СПб., 2015. С. 86–104.
- Глаголева О. Е.* А. Т. Болотов как читатель // Рукописная и печатная книга в России: Проблемы создания и распространения. Л., 1988. С. 140–158.
- Кузнецов А. Е.* Проза Андрея Тимофеевича Болотова как художественное явление : дис. ... канд. филол. наук. М., 2013.
- Лазарчук Р. М.* Дружеское письмо второй половины XVIII века как явление литературы : дис. ... канд. филол. наук. Л., 1972.
- Писарев Д. И.* Первые литературные опыты (Библиографические заметки и критические статьи из журнала «Рассвет», 1859 г.) // Писарев Д. И. Собр. соч. : в 6 т. СПб., 1909. Т. 1. С. 556–557.
- Письма А. Т. Болотова к Н. Е. Тулубьеву* / вступ. ст., подготовка текста, коммент. А. Ю. Веселовой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома 2013. СПб., 2013. С. 293–396.
- Сиповский В. В.* Очерки из истории русского романа : в 2 т. СПб., 1909–1910. Т. 1, вып. 2.

### Список сокращений

- НИОР БАН – Научно-исследовательских отдел рукописей Библиотеки Академии наук.
- НИОР РГБ – Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки.
- ОЛДП – Общество любителей древней письменности.
- ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки.
- РО ИРЛИ – Отдел рукописей Института русской литературы.



## Об авторе

Александра Юрьевна Веселова, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Россия.

E-mail: [aveselova@inbox.ru](mailto:aveselova@inbox.ru)

### Для цитирования:

Веселова А. Ю. Жанровый синтез в мемуарах А. Т. Болотова // Слово.ру: балтийский акцент. 2020. Т. 11, №2. С. 105 – 113. doi: 10.5922/2225-5346-2020-2-9.

## A SYNTHESIS OF GENRES IN ANDREI BOLOTOV'S MEMOIRES

A. Yu. Veselova<sup>1</sup>

<sup>1</sup> Institute of Russian Literature (Pushkin House) of Russian Academy of Science

4 Makarova Emb. St. Petersburg, 199034, Russia

Submitted on June 7, 2019

doi: 10.5922/2225-5346-2020-2-9

*Although the genre status of the memoirs of the Russian writer Andrei T. Bolotov has been repeatedly raised in the literature, it has never merited a separate study. This article analyses the structure of Bolotov's memoirs in terms of their genre peculiarity. Text analysis shows that, when writing his memoirs, Bolotov used techniques borrowed from across various genres with which he was well acquainted. Those were the novel, the epistolary genre, the travelogue, the historical essay, etc. In the broad context of Bolotov's works, the article shows that all those elements were not combined mechanically. A well-read and stylistically sensitive author, he was guided by an intuitive sense of appropriateness of each technique depending on the object of description and thus achieved a genuine synthesis of genres. Finally, it is concluded that this intuition and a clear understanding that his task was a thorough description of his life as a record for posterity translated in the literary finesse of Bolotov's texts and their appeal to the reader.*

**Keywords:** Russian 18<sup>th</sup>-century memoirs, Andrei Bolotov, genre, novel, epistolary, travelogue, autobiography.

## References

- Anon, 1997. *Biografiya A. T. Bolotova* [Biography of A. T. Bolotov]. Tula (in Russ.).
- Bolotov, A. T., 1766. *Domashnii istoricheskii zhurnal* [Home History Magazine]. NIOR RGB F. 475. Kart.1.2 (in Russ.).
- Bolotov, A. T., 1871–1873. *Zhizn' i priklyucheniya Andreyya Bolotova, opisannye samim im dlya svoikh potomkov* [The life and adventures of Andrei Bolotov, described by him for his descendants]. Vol. 1–4. St. Petersburg (in Russ.).
- Bolotov, A. T., 1993. *Izbrannoe* [Selected papers]. Pskov (in Russ.).
- Bolotov, A. T., 1768. *Kratkaya istoriya Pol'skogo Korolevstva* [A Brief History of the Kingdom of Poland]. RO RNB F. 536. OLDP. №2190 (Q.423) (in Russ.).
- Bolotov, A. T., 1791. *Mysli i bespristrastnye suzhdeniya o romanakh kak original'nykh rossiiskikh, tak i perevedennykh s inostrannykh yazykov* [Thoughts and impartial judgments about novels both original Russian and translated from foreign languages]. RO IRLI F. 537. №14 (in Russ.).



Bolotov, A. T., 1772. *Opisanie moei ezdy v Shadskuyu derevnyu* [Description of my travel to the village in Shadsk]. OR RNB. F. 608. Op. 2. №88/7 (in Russ.).

Bolotov, A. T., 1788. *Opyt rukovodstva k opisaniyu krasot natury* [Essay on guiding the description of the beauty of nature]. NIOR BAN F. 69. №18b (in Russ.).

Bolotov, A. T., 1761. *Pamyatnaya knizhka ili sobranie razlichnykh npravouchitel'nykh pravil* [A memorial book or collection of various moral guidelines]. NIOR BAN F. 69. №22 (in Russ.).

Bolotov, A. T., 1875. *Pamyatnik pretekshikh vremen* [Recollection of past]. Vol. 1–2. Moscow (in Russ.).

Bolotov, A. T., 1760a. *Perevody sochinenii razlichnykh avtorov, preimushchestvenno iz periodicheskikh izdaniy* [Translations of works by various authors, mainly from periodicals]. NIOR BAN F. 475. Kart. 6.2 (in Russ.).

Bolotov, A. T., 1760b. *Pis'ma A. T. Bolotova k raznym litsam* [Letters of A. T. Bolotova to different people]. OR RNB. F. 89. №110 (in Russ.).

Kucherov, A. and Morozov, I., 1933. From the unpublished literary heritage of Bolotov. In: L. Avebakh, ed. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary heritage]. Vol. 9–10. Moscow. pp. 153–222 (in Russ.).

Veselova, A. Yu., 2015. Novels in the circle of reading and memoirs of Bolotov. In: N. D. Kochetkova, ed. *XVIII vek* [XVIII century]. Vol. 28. St. Petersburg. pp. 86–104 (in Russ.).

Glagoleva, O. E., 1988. A. T. Bolotov as a reader. In: M. V. Kukushkina, ed. *Rukopisnaya i pechatnaya kniga v Rossii: Problemy sozdaniya i rasprostraneniya* [Handwritten and printed book in Russia: Problems of creation and distribution]. Leningrad. pp. 140–158 (in Russ.).

Kuznetsov, A. E., 2013. *Proza Andrey Timofeevicha Bolotova kak khudozhestvennoe yavlenie* [The prose of Andrei Timofeevich Bolotov as an artistic phenomenon]. Ph. D. Moscow (in Russ.).

Lazarchuk, R. M., 1972. *Druzheskoe pis'mo vtoroi poloviny XVIII veka kak yaovanie literatury* [Friendly epistolary of the second half of the XVIII century as a phenomenon of literature]. Ph. D. Leningrad (in Russ.).

Pisarev, D. I., 1909. The first literary experiments. In: D. I. Pisarev, ed. *Sobranie sochinenii v 6 t.* [Collected works in 6 vol.]. Vol. 1. St. Petersburg. pp. 556–557 (in Russ.).

Veselova, A. Yu., 2013. Letters of A. T. Bolotov to N. E. Tulubeyev (1760–1761). Publication by A. Yu. Veselova. *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo doma* [Yearbook of the Manuscript Department of the Pushkin House], 2012, pp. 293–396 (in Russ.).

Sipovsky, V. V., 1909–1910. *Ocherki iz istorii russkogo romana* [Essays from the history of the Russian novel]. Vol. 1. St. Peterburg (in Russ.).

### The author

Dr Aleksandra Yu. Veselova, Senior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkin House), Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: [aveselova@inbox.ru](mailto:aveselova@inbox.ru)

### To cite this article:

Veselova, A. Yu. 2020, A synthesis of genres in Andrey Bolotov's memoirs, *Slovo.ru: baltic accent*, Vol. 11, no. 2, p. 105–113. doi: 10.5922/2225-5346-2020-2-9.